

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.1-209-232 УДК 316.334.52 + 316.643.3 + 316.723

КАРАИМЫ КРЫМА. ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ

Плюснин Юрий Михайлович,

доктор философских наук, кандидат биологических наук,

профессор факультета социальных наук

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»,

Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

PIN РИНЦ: 8188-6807

ORCID: 0000-0002-9576-4921

Researcher ID: K-3235-2015

Scopus AuthorID: 57191167224

juri.plusnin@gmail.com

Аннотация

В статье на основе полевых социологических материалов обсуждается проблема самоидентификации малого народа – караимов Крыма. Вопрос остро актуален не только для самих караимов, но и для исследователей, поскольку имеет место противоречие важнейших атрибутов этнической идентичности: языка и религии. С целью оценки актуальности проблемы этносоциальной идентичности крымских караимов было проведено полевое социологическое исследование, базирующееся на 15 экспертных интервью с караимами и 48 фокусированных беседах со случайными респондентами – некараимами в 12 городах и сельской местности Крыма. Полученная информация подтверждает неоднозначность и значительную неопределенность самоидентификации караимов. Эксперты, утверждающие о своем караимском происхождении, отрицают родственные связи с евреями, считают себя этническими тюрками на основании языка, которым никто из опрошенных не владеет в необходимой мере; караизм считают независимой от иудаизма религией. Эксперты, владеющие караимским языком или ивритом, напротив, такие связи признают. Отмечена значительная социально-политическая диверсификация и атомизация оформленной общественной активности караимов повсеместно в Крыму. Общественные организации караимов конкурируют за бюджетные средства и ожидаемую государственную поддержку. В эту сферу никак не включены караимы сельской местности. Подавляющее большинство жителей Крыма некараимов крайне слабо осведомлены о караимах как народе или совсем не имеют представления о них. Делается вывод о том, что караимы Крыма – к настоящему времени почти полностью ассимилированный в культурном и религиозном смысле народ, хотя есть немало этнически не смешанных

караимов. При этом общественно-политическая и культурно-религиозная деятельность активных представителей народа не способствует ни этнической консолидации, ни сохранению, ни возрождению малого народа.

Ключевые слова: караимы, караизм, караимский язык, идентичность, этническая самоидентификация, самоизоляция, ассимиляционные процессы, общественно-политическая активность.

Библиографическое описание для цитирования:

Глюссин Ю.М. Караимы Крыма. Путевые заметки к вопросу об идентичности // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 2, ч. 1. – С. 209–232. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.1-209-232.

Введение

Проблема этнической самоидентификации малых народов приобретает всё более угрожающее значение, прежде всего для существования самих этих народов. Практически все малые этносы испытывают процессы ассимиляции, разрушительной для этнической идентичности. Разрушительные процессы имеют разные причины и механизмы [2]. Даже в случае нивелирования важнейшего прежде политического фактора современные социокультурные и сопутствующие им социально-популяционные (демографические) факторы оказывают существенное ассимиляционное воздействие. В некоторых случаях они приобрели критическую остроту и выраженность.

Среди многих малых народов, стоящих сейчас перед угрозой утраты этнической идентичности, особое место занимают караимы в силу уникального этнолингвистического и этноконфессионального противоречия [11, 13, 14, 19]. Язык и религия караимов уже несколько веков являются причиной споров о происхождении народа и его нынешнем этнополитическом и конфессиональном статусе не только у ученых, но и у самих представителей этноса. Осознание этнической идентичности караимов, как и всякого народа, предполагает признание исторической преемственности, признание всеми членами этноса происхождения от исторического предка или предков, имеющего если и легендарную, то в известных пределах достоверную природу, которая может быть прослежена и документально зафиксирована. У караимов помимо противоречивой и недостоверной писаной истории (о чем написано очень много, см., напр.: [1, с. 70, с. 91–98, 106–114; 3, р. 25–49; 11, 13, 15–17, 20, 21] это отягощено противоречиями в поисках единственного предка, поскольку язык и поздняя этническая история направляет их поиск на север и восток, в сторону Хазарии и половецко-кипчакского наследия, а исповедуемая религия, караизм (караимизм), направляет на Ближний Восток, в Иудею. Ожесточенные научные конфликты, не прекращающиеся два века [1, с. 91–142; 11, 20, 22], сопровождаются не менее острыми конфликтами социально-политическими и бытовыми. И те и дру-

гие обусловлены противоречиями самоидентификации, имеющими место как между людьми, называющими себя караимами, так и в сознании отдельных индивидов, не имеющих возможности опереться в этом вопросе ни на предание, ни на доктринальное знание, ни на научные изыскания в области этнографии, лингвистики, антропологии и даже генетики [4, 6–8].

Поставленная здесь проблема этнической самоидентификации караимов не нова, более того, является застарелой и очень болезненной «занозой» караимского вопроса [3, р. 17–24; 16; 24, р. 216–224]. Но ее необходимо всё же рассматривать в разных ракурсах и на разных уровнях [5, 9, 10, 18].

Поиск ответов на вопросы этнической идентификации предполагает рассмотрение нескольких уровней идентичности [12, 16, 23]. Прежде всего уровень индивидуальной идентичности: как осознание человеком своей принадлежности к народу «караимы». В какой степени разрушены основы именно этой, наиболее глубинной идентичности? Вторым уровнем идентичности выступает осознание человеком тождества с ближними – родственниками и соседями, членами своего местного сообщества. Насколько деформированы и разрушены связи, определяющие принадлежность человека к «своим»: родство, соседство и взаимность (реципрокный альтруизм) и четкость определения им «чужих», всех тех, кто не может быть причислен к караимам? Третьим уровнем идентичности выступает наиболее привычная для рутинной социальной практики идентификация себя на основе обыденного жизнедействования: все те признаки этнической особенности, которые старательно культивируются в обрядах и ритуалах, фольклоре, плясовой и песенной культуре, народной кухне, национальном костюме, традициях домостроения и домоводства, хозяйственных практиках и т. п. Обычно с точки зрения простого человека именно этот уровень идентичности является первой и последней точкой этнической самоидентификации, и этим всё и ограничивается. Наконец, на следующем уровне идентификации идентичность выступает как результат коллективного действия, социальной и политической активности людей, направленной на признание своей этнической особенности другими народами. Фактически же этот уровень самоидентификации чаще всего выступает в качестве механизма самоизоляции в условиях конкурентной борьбы с другими этносами со столь же не до конца определенным статусом, за распределяемые государством ресурсы (бюджет, сословный и политический статус и даже административно-территориальное выделение как официальное признание этнической особенности).

Методология исследования и эмпирический материал

С целью эмпирического описания указанных уровней этнической идентичности, присущих в наше время представителям народа караимов, мною было проведено полевое социологическое исследование в марте 2016 г. в

Крыму, в основных городах, где проживают караимы. Использована методология качественного исследования, где основными методами являлись непосредственное наблюдение и фокусированное глубинное интервью. С помощью наблюдений выявлены и описаны отдельные (т. е. несистематические) поведенческие, психические и ментальные особенности индивидов, относящихся себя к караимам. Индивидуальные наблюдения во время интервью и случайных бесед на улицах и в кварталах, где проживают караимы, сопровождались наблюдениями в публичных местах, манифестируемых в качестве культовых для караимов (религиозных, общественных, культурно-просветительских).

Глубинные фокусированные неструктурированные интервью носили продолжительный характер (от одного часа и дольше), в том числе проведены групповые интервью (две фокус-группы). Всего проведено 15 экспертных интервью с караимами в нескольких городах Крыма – Феодосии, Симферополе, Евпатории, а также наблюдения и 48 кратких фокусированных интервью – уличных бесед – с жителями 12 городов и поселков Крыма. Уличные интервью со случайными людьми проведены во всех посещенных населенных пунктах (Черноморском, Красносельском, Оленевке, Севастополе, Балаклаве, Танковом, Бахчисарае, Малом Садовом, Ялте, Алуште, Судаке, Ораджоникидзе, Керчи, а также в селах Веселовка, Новоозерное, Крыловка, Мирный).

Этого объема материала достаточно для самых общих выводов. Выборка ни в коей мере не рандомизирована, поскольку отбор информантов проводился только по полу (примерно поровну) и возрасту (в среднем от 30 до 60 лет), причем поиск респондентов-караимов мог осуществляться только «по наводке», поскольку этнических караимов в Крыму менее одного на каждые 7000 человек. Опрашивали местных жителей, давно и постоянно живущих в Крыму. Встречи не планировались, инициатива исходила в основном от интервьюера и беседа провоцировалась по случайным поводам, т. е. респондент не воспринимал интервьюера как исследователя, не знал и не ожидал вопросов о караимах, речь о них заходила как бы случайно, вне контекста основного разговора, который начинался обычно на бытовые или публичные темы. Этим достигалась спонтанность, неподготовленность ответов, респондент не имел времени на какую-либо корректировку своего ответа, тем самым исключалась «ложная осведомленность», социальная желательность ответа.

Жители Крыма о караимах

Представления простых жителей о караимах как народе могут быть сгруппированы в три категории: 1) о караимах ничего не знают и даже не слышали про такой народ; 2) про караимов что-то знают, но это отрывоч-

ное знание, как правило, искаженное; 3) про караимов определенно знают и знакомы с представителями народа.

Наличие в Крыму местных жителей, которые никогда ничего не слышали о караимах (или слышали только, что есть – или был – такой народ) вызывает удивление, но таких людей оказалось немало. Почти половина (!) всех опрошенных нами людей – более 2/5 – ничего или совсем мало знают о караимах, в лучшем случае *«слышала, что есть такой народ»*. Это тем более удивительно, что расспросы людей обычно велись в исторической части города, рядом с караимскими кладбищами и кенассами или культурными центрами караимов, даже прямо на караимских улицах (которые теперь есть почти во всяком городе Крыма). Можно, конечно, предполагать, что часть этих людей просто отказывались сообщать какое-то знание о караимах, но сам характер случайного вопроса о караимах, задаваемого от имени человека, выдающего себя за туриста, который хотел бы узнать, например, почему улица, на которой он заговорил с прохожим, называется *Караимской*, или что такое *кенасса*, возле которой он оказался, не предполагал автоматического отказа от искреннего ответа. Более того, все опрошенные люди были весьма доброжелательны и расположены помочь. Так что нам остается считать, что отсутствие у многих людей в Крыму всякого позитивного знания о караимах как народе есть свидетельство полной неосведомленности очень многих жителей как об этом народе, так, вероятно, и о других малых народах Крыма вследствие совершенной недостаточности информации в местных и федеральных СМИ.

Не лучше дело обстоит и в отношении второй категории опрошенных – тех, кто что-то знает о караимах. Знание это либо совершенно фрагментарно, либо не соответствует действительности. И таких людей более 2/5 от всех опрошенных. Приведём образцы ответов разных людей на вопрос о том, кто такие караимы, что это за народ, какой религии они придерживаются.

– *«...а караимы это татары (это старое название)... караимы – мусульмане, – ответ женщины средних лет в Алуште, которая вслед за тем гордо добавила с видом знатока: – Спрашивайте у меня, если хотите что-то узнать!»*

– Мужчина в Саках, 30–35 лет, узбек, мусульманин, живет в Крыму 18 лет. Знает, что караимы живут здесь, их очень мало, и они мусульмане.

– Старая женщина в Евпатории, возрастом, наверное, за восемьдесят лет. Родилась и всю жизнь прожила в районе улицы Караимской. Караимов знает как своих соседей, хороших, порядочных людей. Но что-либо конкретное о караимах сказать не смогла. Подчеркнула только, что раньше все жили дружно, мирно, не ругались и не делили людей по национальностям.

– Молодой мужчина 30–35 лет, торгует на рынке в Евпатории, рассказывал, что караимы это коренная народность Крыма (*«наши предки, жили здесь издревле»*). *«Религия? Евреи, – потом подумал и добавил: – Но с татарским уклоном... Кенассы – это их храмы с шестиконечной звездой, как у евреев»*. Еще добавил, что знакомых караимов у него нет, но плохого о них ничего не слышал.

– Женщина 35–40 лет, менеджер, рассказывала, что хотя историю караимов Крыма она не знает, но *«есть знакомые караимы, например, начальник местного *** П., который, ко всему, является ещё и владельцем ***»*. Он *«хотя и караим, но носит крестик, коллекционирует иконы, посещает церковь, в то же время ходит в кенассу»*. Ничего более определенного добавить не смогла.

– Группа из четырех мужчин разного возраста, от 45 до 55 лет, на площадке городского сада в Евпатории, где играют в домино. Знают лично некоторых караимов, проживающих здесь. Отмечали, что все они (караимы) уважаемые люди в городе: работают учителями, врачами и т. д., в общем, образованные. Высоко отзывались о их профессиональных качествах. Например, говорили про одного караима-врача, что *«он мно-о-го людей спас!»*. Хорошо знают про кенассу, поскольку живут в этом районе. Знают, что религия у караимов такая же, как и у евреев, но немножко отличается. Высказывали мнение, что *«караимы – это предки или родственники татар, но только лучшие их»*.

– Мужчина, около 70 лет, бывший энергетик: *«Караимы – древний народ, жили раньше здесь, в Крыму... Сейчас осталось очень мало; что-то сродни мусульманам»*.

– Две пожилые женщины-подруги, гулявшие в сквере Симферополя, рассказали, что про караимов знают, что они хорошие люди, живут здесь, в Крыму. Кенасса – это их церковь, похожа на еврейскую, и вера у них такая же, как у евреев. В Крыму появились очень давно, жили здесь еще при греках. У них есть знакомые среди караимов, очень вежливые и культурные люди.

– Женщина, примерно 30 лет, жительница Феодосии. О караимах слышала, но ничего не может сказать о их конфессиональной принадлежности: *«То ли мусульмане, то ли христиане...»* Знает, что их в Крыму осталось очень мало, но среди ее знакомых караимов нет.

В чем заключается знание о караимах у людей этой категории? Во-первых, караимы – это какой-то особый народ, народ древний, издавна населявший Крым, но что это за народ, какова его этническая принадлежность, неизвестно. Заметим, что только один человек смог сообщить, что язык у караимов тюркский («татарский»). Однако многие считают караимов татарами, хотя и другими, чем крымские татары.

Во-вторых, это очень маленький по численности народ (*«их очень мало»*), что соответствует действительности и является едва ли не единственным признаком, в отношении которого расхождений во мнениях не было.

В-третьих, наибольший разброд и неосведомленность наблюдается в отношении вероисповедания караимов. Никто из опрошенных людей этой категории не смог с уверенностью сказать, какая религия у караимов: «то ли мусульмане, то ли христиане», или «евреи» (т. е. иудеи). Очевидно, что такая неосведомленность обусловлена позицией самих караимов, резко отделяющих себя от раввинизма и даже противопоставляющих ему караизм. Очень частое у других жителей Крыма признание караимов мусульманами связано, конечно, с ассоциацией их тюркского языка с вероисповеданием – хотя объективно такая связь несущественна, а сколь-нибудь конкретное знание о языке караимов у сторонних людей практически отсутствует. Так что здесь можно предполагать сильное пропагандистское влияние, исходящее прежде всего от тюрко-ориентированных караимских общественно-политических организаций (в чем мы могли убедиться уже в самом начале исследования).

Наконец, в-четвертых, ни один из этих сторонних информаторов ничего не мог сообщить об особом образе жизни караимов, бытовых особенностях, традициях, обрядовой стороне жизни. По всем этим признакам караимы совершенно не выделяются среди других жителей Крыма. И это несмотря на чрезвычайно большое количество здесь караимских общественных организаций, а также информационных источников, несравнимых с относительной численностью народа. Это как минимум свидетельствует об изоляции караимов как особого национального и общественно-политического феномена в общественном сознании крымских жителей.

Наконец, третья категория жителей Крыма, хорошо осведомленных о караимах: их доля оказалась очень малой, всего 3 человека – один из каждых 15 опрошенных человек (заметим еще раз, что поиски респондентов велись в основном в районах исторического проживания караимов, рядом с кенассами и их общественными культурными центрами, что должно было значительно повышать осведомленность этих людей). Какое знание получили мы от этих людей, и кто они? Это люди, имеющие друзей/подруг или родственников-караимов либо тесно сотрудничающие/работающие вместе с ними. Но их знакомые караимы не посещают кенассы, не включены в общественную активность «национально-культурных» и религиозных организаций, хотя и соблюдают караимские традиции (судя по всему, преимущественно бытовые). Надо сказать, что то же самое нам рассказывали о караимских семьях, проживающих в селах Крыма: не религиозны либо являются православными, не используют язык (и едва ли знают его) и единственное, чем отличны от некараимов, так это некоторыми обычаями, особыми празднествами, традиционными кушаньями и прочими малосущественными признаками, которые в целом вовсе не выделяют эти семьи из местного сельского общества.

Нам встретила только одна старая женщина-украинка, торговка зеленью на рынке Евпатории, хорошо знающая караимов, их традиции, обряды и верование. Но оказалось, что она вдова, была замужем за караимом и имеет родственников-караимов, среди которых религиозные и общественные активисты. Весьма хорошо зная караимскую общественную жизнь в городе, она откровенно недружелюбно отозвалась об отношениях между караимами на религиозной почве, чем дополнительно подтвердила и наши наблюдения в этой части общественной караимской жизни.

Таким образом, результаты случайных уличных опросов местных жителей в основных городах Крыма продемонстрировали отсутствие у половины людей позитивного знания о караимах, отсутствие интереса в таком знании; другая же половина хотя и имеет знание, но обрывочное и искаженное. Результаты также показали, что высокая общественно-политическая активность караимских активистов не имеет общественного резонанса, возможно, и потому, что не направлена на информирование населения Крыма о жизни и проблемах караимов, а замкнута на себя и ориентирована на органы государственной власти как источник ресурсов.

Проблема этнической идентичности

Вопрос этнической идентичности караимов обсуждался нами только в местном экспертном караимском сообществе, поэтому предполагаем, что решение его ориентировано на опубликованные информационные источники, а не на устную традицию. В интервью со всеми местными экспертами мы фиксировали тесную зависимость их высказываний (и, соответственно, установок) относительно этнической истории народа от опубликованных материалов, особенно общедоступных текстов в Интернете. Нам не удалось услышать какие-то отличные от уже опубликованных версии этнической истории, тем более версии, основанные на устной народной традиции. Все изложенные нам версии происхождения караимов повторяли – вплоть до текстуального совпадения – тот или иной опубликованный вариант. Эти варианты (их несколько) основаны на двух доминирующих: 1) караимы – потомки издревле переселившихся в Крым евреев; 2) это тюркский народ периода монгольского завоевания, принявший караимизм. Очевидно при этом, что взгляды на этническую историю караимов в сильнейшей степени подверглись воздействию со стороны политических факторов, прежде всего изменения политического, гражданского и экономического статуса караимов как новых российских подданных в результате вхождения Крыма в состав Российской империи. Последовавшие затем политические трансформации и катастрофы, вплоть до самого последнего времени, в каждом случае влияли на политический статус и мировоззрение представи-

телей караимов и модифицировали сложившиеся версии их этнической истории [1, 3, 5, 11, 14].

Соответственно, к настоящему времени в Интернете – откуда нынче только и черпает информацию подавляющее большинство – соседствуют взаимоисключающие варианты происхождения караимов, и все они апеллируют к научным изысканиям, не вдаваясь в детали научной достоверности таких изысканий [1, 14]. Не только в «информационном пространстве», но и в зафиксированных нами высказываниях экспертов-караимов речь идет только об онтологическом содержании, но не о методологии: люди придерживаются той или иной версии, отвергая истинность версии противной, совершенно не задумываясь о способе получения знания. Конечно, в научной литературе подвергаются сомнению те или иные факты истории караимов и способы их получения (особенно связанные с непрекращающейся активностью сторонников разных версий истории караимов на караимском кладбище и в стенах крепости Чуфут-Кале [1, 3]). Но сами местные эксперты-караимы, будучи общественными и религиозными активистами, обычно истово верят только в одну из версий, отрицая другую.

Мы же смотрим на проблему этногенеза караимов не со столь ортогональных точек зрения, а совсем с иного ракурса. Дело в том, что гипотезы этногенеза караимов исходно строятся на двух основаниях: исповедуемой религии и языковой принадлежности. И проблема возникает по той причине, что оба основания резко противоречат друг другу, даже противостоят: религия связывает караимов с иудаизмом и привязывает народ к семиркам, к Ближнему Востоку и древности, а язык связывает их с тюрками, кочевому и недавнему азиатскому прошлому и, конечно, с исламом. Либо то, либо другое. Никто из местных экспертов, вслед за авторами текстов про караимов в Интернете и других публичных источниках, в том числе научных, не обсуждает методологию вопроса. А ведь, связывая этническую историю народа с религиозными или лингвистическими факторами, более того, определяя этими факторами популяционную историю, авторы и приверженцы совершают методологическую ошибку. Даже две, причем обе ошибки лежат на поверхности.

Принимая язык в качестве обоснования происхождения и этнических связей народа, не принимают во внимание хорошо известный этнографам факт: язык – наиболее яркий, выразительный признак народа, но это и самый подвижный, изменчивый признак. Множество народов, особенно малочисленных, легко и быстро, в течение одного-двух столетий, могут утратить собственный и усвоить совершенно новый язык, в том числе далекой лингвистической семьи. Особенно это характерно для билингвальных этносов, которыми обычно и бывают малые народы. Известных исто-

рических примеров утраты прежнего или усвоения нового языка множество; наиболее яркие примеры – создание «с нуля» языка вновь образованного государства на основе утраченного и выпавшего из обычного употребления языка, как это произошло, например, в Чехии или Израиле. Но почему-то исследователи и простые люди обращают большее внимание на факты сохранения языка, а не на его изменения и утраты. Так что принадлежность языка к той или иной лингвистической семье отнюдь не указывает на то, что народ исторически происходит от тех же корней, что и другие носители родственных языков. Примеров сохранения языка при внедрении народа в новую этнокультурную и лингвистическую среду (вроде мадьяр) совсем немного.

То же можно сказать и о конфессиональной принадлежности большинства представителей караимского народа. Хотя их сейчас относят к древней ветви иудаизма, но большинство ныне живущих представителей крымских караимов, если судить по признаниям местных экспертов, караизм не исповедуют, являются атеистами или в лучшем случае православными, реже мусульманами. Так что при сохранении подобных тенденций говорить об особом вероисповедании караимов в Крыму скоро придется только в прошедшем времени, если не предпринимать целенаправленных усилий по консервации и культивированию караизма как религии, специфичной для караимов.

Переход в новую веру – настолько обычный сюжет для Средневековья, что нет нужды приводить примеры. В наше время эти процессы не кажутся столь же интенсивными только в силу медленности их сравнительно с динамикой современной жизни (как показывает история, переход народа в новую веру занимает одно-два столетия и более, хотя официальные процедуры и обращение элиты занимают десятилетия). Да еще свой вклад вносит получившая широкое распространение в XX веке «идеология заповедания», направленная на сохранение и консервацию не только артефактов материальной жизни, но и традиционных культур, языков и верований, особенно если они уникальны. Представляется, что именно в силу этого современные исследователи придают недостаточное значение фактам «крещения» в новую веру, происходившим ранее и до сих пор и оставившим заметный след в истории многих народов (если не каждого). Но не то же ли самое мы можем сказать о множестве древних и современных народов Балкан, Передней, Средней и Центральной Азии, Латинской и Северной Америки, Русского Евразийского мира?

Поэтому мне кажется, что обуславливать и привязывать этническое, популяционное (т. е. натуральное, биологическое) происхождение народа к таким, хотя и существеннейшим, признакам его этнической истории, как язык и религия, нельзя. Это очевидная методологическая ошибка.

Эти признаки могут являться подспорьем, косвенными указателями на происхождение народа, но не доказательствами. Если уж пытаться связать происхождение народа с лингвистическими и конфессиональными признаками одновременно и напрямую, признавая историческую преемственность и неизменность и того и другого, что уже само по себе натяжка с научной точки зрения, то компромиссной гипотезой кажется хазарское происхождение караимов, хотя в семье тюркских языков классификационно они и далеки, а судя по историческим источникам, иудаизм в Хазарском каганате исповедовала лишь малая часть населения, другие же были не менее многочисленными мусульманами, христианами или язычниками. При этом научно гораздо более обоснованной гипотезой происхождения караимов является их появление в Крыму из Персии, Сирии и Малой Азии [1, 3, 8, 13, 14, 16, 20].

Казалось бы, действительно надежными признаками могут быть популяционно-генетические исследования, привязанные к этнической истории, неважно, насколько достоверной. Попытки таких антропологических исследований проводились на основе разных морфофункциональных показателей (антропометрических, дактилоскопических, колориметрических и т. п.), но, конечно, они не дали определенного и однозначного результата, как не дали его и недавние генеалогические исследования на основе маркеров Y-хромосомы [6, 7]. Причина лежит на поверхности: невозможна генетическая однородность (по типу «эффекта основателя» – все дети от одного отца) малочисленной популяции, проживающей на небольшой и легко проницаемой территории, населенной многими народами и постоянно испытывающей внешние вторжения. Уже одно отсутствие изоляции приводит к быстрому накоплению в малой популяции чужеродного генетического материала, что, собственно говоря, и фиксируют популяционно-генетические исследования малочисленного караимского этноса [7].

В силу этого представляется, что резкое противостояние между приверженцами еврейского или тюркского происхождения караимов, вылившееся в публичное пространство через Интернет и вызывающее столько эмоций и нервно-агрессивных реакций у самих караимов, отстаивающих противоположные взгляды на происхождение своего народа, неплодотворно. Такая дискуссия в лучшем случае способна породить враждующие партии и политическую борьбу между ними. Но это будет слишком смахивать на борьбу «остроконечников» с «тупоконечниками», хотя признаки такой борьбы в экспертном сообществе караимов мы уже успели заметить.

Решение же проблемы происхождения и этнической истории караимов видится не в противопоставлении одной установки другой – предпочтения языкового либо религиозного фактора, а в поиске материальных

источников, раз уж речь идет о популяционно-биологических корнях современных представителей этноса. Однако, насколько можно судить уже по результатам нашего предварительного исследования, пока караимские копы ломаются на двух огородах: 1) мы евреи, поскольку иудеи; 2) нет, мы турки, поскольку язык у нас таков. В этом утрированном противопоставлении мы видим суть неопределенности этнической самоидентификации караимов. Людям важна онтология, но без научной методологии правильных решений не получишь. А эта необходимая часть решения и упускается из виду, или ее просто не принимают во внимание. Поэтому этническая (т. е. природно-биологическая) самоидентификация караимов, по существу, отсутствует. Малочисленный народ не определился, хотя бы и ошибочно, в своих истоках и корнях. А его «першие люди» – интеллектуальная культурно-религиозная элита народа – своим яростным противоборством, выливающимся в публичное пространство, только усугубляет ситуацию, хотя истинной задачей этих людей должна бы быть как раз консолидация национального самосознания через этноисторическую самоидентификацию.

Сделав лишь самые предварительные наблюдения, мы вынуждены фиксировать, что значительная культурно-просветительская, общественно-политическая и религиозная активность лучшей части караимского народа имеет и негативный компонент, перевешивающий многие позитивные результаты этой активности, – раскол в отношении принятия идеологии этнической самоидентификации. А раскол в столь малочисленном народе чреват слишком большими угрозами самому его существованию, чтобы это могла себе позволить национальная элита.

Проблема конфессиональной идентичности

Проблема конфессиональной идентичности караимов видится не менее острой, чем собственно этническая идентичность. Караимизм (караизм) является, по-видимому, гораздо более важным идентификационными признаком караимского народа, чем язык, связывающий народ с другими тюркскими этносами, но при этом и более изменчивым признаком. Пути и способы сохранения «истинной веры» караимами в наше время очень уж смахивают на средства, применяемые представителями многочисленных сект русского старообрядчества. Здесь выявляются три стороны проблемы: первая заключается в признании караизма религией, имманентной караимскому народу; вторая заключается в признании караизма заимствованной религией; третья – в отказе от идентичности по конфессиональному признаку.

Коллизия первой проблемы заключается в традиционном признании караизма древней формой иудаизма, или, что вероятнее, средневековой

сектой [1, 16, 20, 22], и, соответственно, в конфессиональном родстве караимов с другими иудеями. Хотя именно такого взгляда придерживается подавляющее большинство караимов, проживающих вне постимперского русского пространства, среди караимов Крыма эта позиция разделяется немногими [16, 19]. Вероятнее всего причины немногочисленности «проеврейской» ориентации заключаются в социально-политической истории караимов российского периода. Важно обратить внимание, что, несмотря на практически единодушную поддержку исследователей – историков, этнографов, религиоведов, социологов, эта позиция, по-видимому, не разделяется большинством простых караимов. А если, как утверждает часть экспертов, это так, то самоидентификации на конфессиональной основе недостаточно, поскольку караимский народ тем самым оказывается лишенным идеологических корней (или отказывается от извне навязываемых). Народ является уникальным приверженцем «истинного иудаизма», но никоим образом – ни идеологически, ни генетически – не связан с другими направлениями иудаизма, поскольку караизм считается якобы «самой ранней» его версией. Логическое противоречие ничуть не смущает простых людей.

Это поднимает вторую сторону проблемы идентификации по конфессиональным основаниям. Да, караимы – иудеи, по популярной версии воспринявшие и усвоившие самую древнюю, «истинную» ветвь иудаизма, по другой же, более научно обоснованной, создавшие в период раннего Средневековья секту «истинно верующих» и связавших ее с корнями древнего иудаизма. Но они не евреи, пришедшие в Крым прямо из Палестины, и потому не имеют семитских корней. Так считает немалая часть караимской элиты и, вероятно, вслед за ними какая-то (а может быть, и большая) часть простых караимов. Но когда, как и откуда? Они появились в Крыму в составе народов, пришедших вместе с монголами, либо это был коренной крымский этнос, принявший иудаизм в раннем/позднем Средневековье? Или всё же это евреи, переселившиеся (переселенные) в Крым из Персии и Сирии? При любом решении (а перечислены явно не все варианты), принимая за истину любую гипотезу заимствования веры, самоидентификация по конфессиональным основаниям оказывается ущербной, неполной и недостаточной.

Как следствие этого, встают драматичные по своим последствиям «вопросы-сомнения». Они таковы. Во-первых, из принятия иудаизма следует, что некогда народ караимов имел иную веру. Какую? Следовательно, караизм не является атрибутом караимского народа, хотя бы и уникальным? Чем тогда идентифицировать этническую уникальность – языком, обрядами, обычаями, суевериями?

Как это ни странно, но приверженность немалой части караимов второй версии решения проблемы конфессиональной идентичности саморазрушительна. Если в первом случае караимы могут идентифицировать себя как уникальный, сохранившийся в веках осколок древнего иудаизма, но тем самым и древнего еврейства, то во втором случае заимствование конфессиональной принадлежности само по себе отрицает идентификацию по конфессиональному признаку, т. е. караизм уже не атрибут караимского народа. В то же время видимая схоластичность вопроса может быть причиной отсутствия в течение неопределенно долгого времени идеологических и политических решений, негативных для статуса народа и его элиты.

Третья сторона проблемы, как мне представляется, наиболее существенна именно по своим скрытым последствиям. Заключается она в том, что для подавляющего большинства караимов конфессиональная идентичность фактически стала несущественной. Отсутствие религиозности, наследие атеистической (просвещенческой) пропаганды «советских времен» характерно для очень многих людей, даже если эти люди и посещают кенассы, церкви и мечети. А если нет приверженности определенной вере, то нет и соответствующих скреп, даже если о них повторяют в кенассах и пишут в газетах и Интернете. Достаточно еще одного-двух поколений, чтобы конфессиональная уникальность караимов в их собственных глазах стала анахронизмом единичных чудачков, упорно сохраняющих «веру предков», изучающих древний иврит и «кладущих положенные требы». Именно эта часть проблемы достойна самого пристального изучения, чтобы определить тенденции и предпринять (если это покажется необходимым) меры для их преодоления. Как показывает история самого иудаизма, своевременные меры позволяют не только сохранить, но и восстановить и *оживить* утраченное.

Таким образом, имеет место разрыв во взглядах на конфессиональные истоки не только в среде караимской элиты, но и у простых людей (хотя последнее утверждение требует специального изучения).

Самоидентификация через обрядовые практики и языковую культуру

Все эксперты утверждали, что многие караимы в той или иной степени придерживаются традиционных обрядов в трех из четырех ключевых ритуалах: при рождении, похоронах и изменении семейного положения (свадьба и развод). Это утверждали все опрошенные нами, но неизвестно, так ли это верно для самих караимов. Некоторые из экспертов упоминали и обряды инициации, но лишь религиозной. В то же время известно,

что одновременно с собственно караимскими обрядами люди придерживаются и обрядов соседних народов, т. е. имеет место отсутствие изоляционизма и ксенофобии. Впрочем, и по историческим данным это никогда не было характерно для караимов [1]. Однако наше исследование не имеет сколько-нибудь удовлетворительных данных о степени включенности современных караимов в традиционную обрядовую культуру.

Насколько можно судить, она существенно ниже у молодых, чем у старших, что и неудивительно, но и у людей старшего возраста она невелика. Наибольшую включенность в обрядовые практики демонстрируют люди зрелого возраста, особенно религиозные неопиты. Этот факт не уникален и объясним социально-политической ситуацией 1990-х годов. Именно люди 40–60-летнего возраста, особенно мужчины, пережившие в наиболее активном возрасте период катастрофических экономических и идеологических перемен, вынуждены были искать новые мировоззренческие опоры. Часть из них заново открыли для себя религиозные и обрядовые практики, что и позволило им пережить «время перемен» и адаптироваться к новым условиям жизни. Надо полагать (это определенно нам не известно, хотя косвенные данные говорят за это), что сейчас именно эта половозрастная группа является основным носителем караимской идентичности, выраженной в обрядовой культуре. Причем, в отличие от большинства других малочисленных народов, у караимов наибольшую публичную активность демонстрируют мужчины, женщины же не играют первые роли.

Когда речь заходит о сохранении караимского языка и его практическом применении, все эксперты вынуждены признать, что значительной частью караимов язык утрачен. Нам указывали лишь на отдельных представителей народа, в разной степени владеющих языком. Немногие читают и могут писать. Вероятно, лишь единицы говорят на караимском языке. На основе этих, явно недостаточных, данных я сделал предположение, что носителей языка единицы. Примерно столько же караимов могут читать религиозные тексты на иврите и отправлять службы. Хотя полученный результат требует проверки и уточнения, но можно определенно говорить об очень низком уровне использования как иврита, так и караимского языка среди караимов Крыма. Следовательно, этот важнейший признак самоидентификации уже не является значимым в реальной жизни простых караимов.

Достаточно высокая активность караимов в социальных сетях и на специальных сайтах или форумах не может выступать маркером культурной самоидентификации, поскольку по большому счету это активность по созданию квази- (или псевдо-) реальности, характерной особенностью которой является анонимность (и анонимность) и хрупкость,

нежизнеспособность на сколь-нибудь длительных интервалах времени. Требуется дополнительный анализ того, какие категории людей активны в сетях.

Повседневная бытовая самоидентификация

Вероятно, самоидентификация караимов, реализуемая через повседневные практики, является наиболее заметной, реальной и распространенной. Многие караимы знают традиционную караимскую кухню и умеют готовить те или иные блюда. Имеются кулинарные книги. Многие караимы знают традиционную одежду, обувь, головные уборы и используют их в ритуальных практиках и во время праздников и культурных мероприятий. Традиционный костюм подробно описан.

Нет сведений об особенностях убранства дома; предположительно лишь отдельные вещи неутилитарного назначения в интерьере квартиры или дома могут указывать на самоидентификацию хозяев. Никаких специальных бытовых признаков особой персонализации жизненной среды нет, за исключением предметов религиозного назначения и домашних мест для отправления треб.

Можно предполагать, что караимы как преимущественно городские жители имеют немного бытовых индикаторов этнической принадлежности. Больше значение могут иметь символические индикаторы, прежде всего религиозного назначения.

Достаточно ярко выражены профессиональные образовательные традиции, издавна характерные для караимов: насколько можно судить, караимская молодежь стремится получить специальности в традиционных для караимов-горожан видах деятельности.

Разобщенность элиты и ее последствия

Как нам представляется, наибольший ущерб самоидентификации караимов приносит разобщенность караимской элиты и выраженное противостояние нескольких ее групп. В каждом крупном городе Крыма мы обнаруживаем одну-две или даже больше негосударственных некоммерческих организаций (НКО). Почти всегда это религиозная (или культурно-религиозная) община, общественно-политическая секция или национально-культурное общество. Удивительно не то, что у караимов много НКО, а то, что они разобщены, наблюдается отчужденность, враждебность и явное противостояние.

На первый взгляд это противостояние обусловлено противоречивыми убеждениями, основывающимися на разном прочтении исторических источников, анализе документов, артефактов. Собственно, именно это и утверждается со всей определенностью людьми, идентифицирующими себя

с «еврейством» или «тюркизмом». И та и другая стороны приводят исторические, политические и психологические (эмоциональные) аргументы. Позиции и аргументы сторонников «еврейской» истории караимов кажутся более основательными, но сторонников «тюркской» истории гораздо больше (правда, это сейчас больше, но так ли было и раньше, до «исхода» многих крымских караимов в Израиль?). Как утверждают, «тюркская» версия преобладает за счет большего числа приверженцев из «простых» караимов (хотя, зная о высоком в целом уровне образования, много ли мы найдем таковых?). С другой стороны, численно большая приверженность караимов «тюркской» версии своей истории (и, соответственно, тюркской идентичности), при том что значительная часть их – горожане с высшим образованием, обладающие критическим мышлением, может говорить о том, что менее научно обоснованные аргументы являются психологически более привлекательными.

По каким причинам? В сравнении с трагичной военной судьбой своих соседей – крымчаков и евреев Крыма? Или оценивая преимущества, которые может принести такая позиция, раз уж она была когда-то неоднократно реализована? Мы не можем сейчас ответить ни на вопрос о том, как и в какой пропорции расщепляется караимский народ в предпочтении той или иной версии, ни на вопрос о причинах преобладания одной версии над другой, несмотря на различную обоснованность исторических, археографических, материальных данных и логических аргументов. Остается лишь зафиксировать факт, засвидетельствованный экспертами, что в современном крымском караимском обществе сторонников «тюркской» версии происхождения караимов существенно больше, чем сторонников «еврейской» версии.

Но проблема (вернее бы сказать – беда) заключается не в этом, а в противостоянии групп караимской элиты, которые используют историю в качестве орудия борьбы. По сути, активность, связанная с утверждением «истинности» еврейского или тюркского происхождения караимов, является лишь прикрытием действительных интересов: борьбы за государственные ресурсы, которые могут быть выделены (или уже выделены) «под караимов» как малый коренной народ Крыма. Налицо общеизвестный «административный торг» и борьба «за раздачу». Это определенно видно из ряда документов, инициированных или подготовленных в караимских НКО, которые удалось просмотреть автору. Нередко одни и те же люди включены в разные организации. Упоминались случаи, что члены переходят из одной организации в другую, меняя политическую приверженность или даже ценностные установки.

По большому счету не дискуссии между учеными-историками, а борьба политизированных общественных групп вносит самый существенный

раскол в единство народа, тем более такого малочисленного. А примеры итогов такого противостояния, действительной целью которого является получение доступа к административному ресурсу, мы наблюдали и наблюдаем в нашей российской истории. В этом караимы не одиноки. Благие пожелания получить возможно больше государственных средств в качестве разных форм поддержки малочисленного коренного народа способствует лишь ускорению процесса ассимиляции и утрате самых важных корней, какими являются вера, речь, обычай и ритуал.

Заключение

Результатом проведенного исследования самоидентификации караимов оказалось совсем не то, что было исходно заявлено в проекте и что, соответственно, ожидалось получить. Я не выявил и не описал особенности поведения и психологические особенности караимов, которые они сами идентифицируют как этноспецифические признаки, поскольку не имел возможность бывать в семьях, наблюдать быт, общаться в непринужденной обстановке. Я не выделил и особенности менталитета представителей этноса караимов, которые могут быть отнесены к этноспецифическим признакам, поскольку идеологические установки, связанные с противоречиями этноконфессиональной истории караимов, перекрывают более «тонкие» ментальные особенности. Всё взаимодействие с экспертами было переведено в формат местной политической борьбы за ресурсы и отстаивание истинности одной из двух версий происхождения народа. Между тем удалось четко зафиксировать факт противостояния нескольких групп общественно активных людей. Борьба между ними идет по историческим и идеологическим вопросам, но подоплекой является административный торг, а вследствие этого страдает народ крымских караимов.

Караимы Крыма – к настоящему времени почти полностью ассимилированный народ. Индивидуальная караимская идентификация не сопровождается ни религиозной причастностью, ни языковой компетентностью подавляющего большинства караимов. Локально-социальная идентификация в значительной степени ослаблена, караимы из разных городов Крыма признают, что слабо поддерживают соседские связи и отношения. Обыденная идентификация имеет, по признанию интервьюеров, спорадический характер. Активность людей как представителей караимского этноса в повседневной и обрядовой деятельности непостоянна, зависима от внешних обстоятельств, нередко от социально-политических. Общественно-политическая и культурно-религиозная деятельность наиболее активных представителей народа караимов, формально направленная на актуализацию этнической идентичности, фактически вырождается

в борьбу политически неразличимых партий и групп за ресурсы государства, что не способствует ни этнической консолидации, ни сохранению, ни возрождению малого народа.

Благодарности

Исследование выполнено по инициативе и при финансовой поддержке анонимного частного лица, караима по национальности.

Дополнительные финансовые средства для реализации полевой части проекта были получены от Фонда поддержки и развития еврейской культуры, традиций, образования и науки. Мы признательны председателю правления фонда М.И. Чернову за оказанную поддержку, которая немало способствовала завершению этой работы.

Автор выражает благодарность В.М. Плюснину и А.Ю. Соломину, принимавшим непосредственное участие в полевом исследовании и помогавшим в сборе материалов.

Существенная информационно-консультативная и организационная помощь как при осуществлении полевого исследования, так и в процессе подготовки данного текста была оказана мне наиболее авторитетным экспертом по вопросам караимской истории и религии, доктором истории (PhD) М.Б. Кизиловым (г. Симферополь).

Литература

1. *Кизиллов М.* Крымская Иудея: очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней. – Изд. 2-е. – Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. – 339 с.
2. Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов / под ред. А.В. Петрова, В.А. Шнирельмана. – М.: ИА РАН, 2011. – 382 с.
3. *Akbişer G.* Historical consciousness, Haskalah, and nationalism among the Karaites of Eastern Europe. – Leiden, Boston: Brill, 2018. – 369 p.
4. Abraham's children in the genome era: major Jewish diaspora populations comprise distinct genetic clusters with shared Middle Eastern ancestry / G. Atzmon, L. Hao, I. Pe'er, Ch. Velez, A. Pearlman, P.F. Palamara, B. Morrow, E. Freidman, C. Oddoux, E. Burns, H. Ostrer // *The American Journal of Human Genetics*. – 2010. – Vol. 86, N 6. – P. 850–859.
5. *Blom J.P.* Ethnic and cultural differentiation [Electronic resource] // *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference* / F. Barth (ed.). – Boston: Little, Brown and Co, 1969. – P. 74–85. – URL: <http://www.urbanlab.org/articles/Barth,%20Fredrik%201969.%20Ethnic%20groups%20and%20boundaries.pdf> (accessed: 23.03.2019).
6. *Brook K.A., Kull L., Levin A.J.* The genetic signatures of East European Karaites [Electronic resource] // *Jewish Genetics: Abstracts and Summaries. Pt. 5: Karaites*. –

Initial posting at Khazaria.com: August 28, 2013. – Latest update: April 12, 2015. – URL: <http://www.khazaria.com/genetics/karaites.html> (accessed: 23.03.2019).

7. *Brook K.A.* The genetics of Crimean Karaites [Electronic resource] // Karadeniz Arařtırmaları. – 2014. – N 42. – P. 69–84. – URL: <http://www.karam.org.tr/DergiTamDetay.aspx?ID=859&Detay=Ozet> (accessed: 23.03.2019).

8. *Brook K.A.* The Jews of Khazaria. – 3rd ed. – Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield Publishers, 2018. – 357 p.

9. *Dominguez V.R.* People as subject, people as object: selfhood and peoplehood in contemporary Israel. – Madison: University of Wisconsin Press, 1989. – 238 p.

10. *Hirshberg J.* The role of music in the renewed self-identity of Karaite Jewish refugee communities from Cairo // Yearbook for Traditional Music. – 1989. – Vol. 21. – P. 36–56.

11. *Freund R.* Karaites and dejudaization: a historical review of an endogenous and exogenous paradigm. – Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1991. – 133 p. – (Stockholm Studies in Comparative Religion; bk. 30).

12. *Jenkins R.* Social identity. – 3rd ed. – London; New York: Routledge, 2008. – 246 p.

13. Karaite Judaism: a guide to its history and literary sources / ed. by M. Polliack. – Leiden: Brill, 2003. – 982 p. – (Handbuch der Orientalistik; vol. 73).

14. *Kizilov M.* Karaites through the travelers' eyes. Ethnic history, traditional culture and everyday life of the Crimean Karaites according to descriptions of the travelers [Electronic resource]. – New York: al-Qirqisani Center for the Promotion of Karaite Studies, 2003. – 481 p.

15. *Kizilov M.* The arrival of the Karaites (Karaims) to Poland and Lithuania: a survey of sources and critical analysis of existing theories. – Offprint Archivum Eurasiae Medii Aevi, 12 (2002–2003). – P. 29–45. – Wiesbaden: Harrassowitz, 2003. – 18 p.

16. *Kizilov M.* Between the Jews and the Khazars: the formation of the ethnic identity and historical views of the East European Karaites in the general context of European history from the late eighteen century until today // Pinkas: Annual of the Culture and History of East European Jewry. – Vilnius: Rytų Europas žydų kultūras ir ist. tyrimų centras, 2008. – N 2. – P. 34–52.

17. *Kizilov M.* The Karaites of Galicia: an ethnoreligious minority among the Ashkenazim, the Turks, and the Slavs, 1772–1945. – Leiden; Boston: Brill, 2009. – 461 p. – (Studia Judaeoslavica; Bk. 1).

18. *Klimova L.* News of the Taurida and Odessa Karaite religious consistory: self-identification of the Karaites // Kwartalnik Historii Żidów. – 2015. – N 1. – P. 123–136.

19. *Luczys P., Rataj K.* Karaims: the identity question [Electronic resource] // Przegląd Zachodni. – 2013. – N 2. – P. 93–115. – URL: <https://iz.poznan.pl/plik,pobierz,858,daa423885f6ccae6913c7503c124265a/45-07-Luczys-Rataj-453.pdf> (accessed: 23.03.2019).

20. *Miller S.* Research note: are Jews more polarised in their social attitudes than non-Jews? Empirical evidence from the 1995 JPR study // Jewish Journal of Sociol-

ogy. – 2015. – Vol. 57, N 1/2. – P. 70–76. – DOI: <http://dx.doi.org/10.5750/jjsoc.v57i1/2.109>.

21. *Shapira D.D.Y.* A Jewish pan-turkist: Seraya Szapszal (Şapşaloğlu) and his Work *Qırım Qaray Türkleri* (1928) // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungariae*. – 2005. – Vol. 58, N 4. – P. 349–380.

22. *Shapira D.D.Y.* Tendencies and agendas in Turkic – Karaite and Karaite – related studies in Eastern Europe on 20 century // *Pinkas: Annual of the Culture and History of East European Jewry*. – Vilnius, 2006. – Vol. 1. – P. 210–241.

23. *Social groups and identities: developing the theory of Henri Tajfel* / ed. by W.P. Robinson. – London: Butterworth Heinemann, 1996. – 386 p.

24. *Troskovaite D.* Identity in transition: the case of Polish Karaites in the first half of the 20th century // *Codrul Cosminului*. – 2013. – Vol. 19, N 2. – P. 207–228.

Статья поступила в редакцию 08.04.2018.

Статья прошла рецензирование 11.05.2018.

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.1-209-232

KARAITES OF CRIMEA. TRAVEL NOTES ON SELF-IDENTITY

Plusnin Juri,

Dr. of Sc. (Philosophy), Cand. of Sc. (Biology),

Professor, Faculty of Social Sciences,

National Research University "Higher School of Economics",

20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation

PIN PIHL: 8188-6807

ORCID: 0000-0002-9576-4921

Researcher ID: K-3235-2015

Scopus AuthorID: 57191167224

juri.plusnin@gmail.com

Abstract

The problem of self-identification of small ethnic groups are becoming more threatening because of the importance of globalization processes. All small ethnic groups are now subject of the ethnic identity assimilation destructive processes. Karaites occupy an important place in this, because their language and religion disputes about the origin of the people many years. This uncertainty of self-identification was the cause of our field research. There are some results of the preliminary analysis.

I have carried out a case study of ethnic self-identification of the Crimean Karaites. 15 expert interviews with the Karaites in Feodosia, Simferopol, Evpatoria, and 48 focused interviews with residents of 12 cities and rural areas were conducted. Information from experts and ordinary residents of Crimea proves the ambiguity and uncertainty of a significant identity of the Karaites, as well as poor awareness of non-Karaites inhabitants about Karaites neighbors. Experts which claim about their Karaite origin, deny kinship with the Jews. They see themselves as ethnic Turks on the basis of language, which none of the respondent does not own the required extent. They believe Karaism independent religion. Experts who speak Hebrew and Karaite, in contrast to other, recognize such links. We note the significant socio-political diversification and atomization formal public activity the Karaites throughout in the Crimea. Karaites public NGO-organizations compete for budget funds and for the expected state support. Their social activity is not include the Karaites countryside in any way. Our survey of residents in the streets showed that many of them are not aware of the Karaites as a people, or have no idea of them all. Only those who is a neighbor, or a kinship with Karaites know about them.

Crimean Karaites have by now almost completely assimilated ethnoses, although many Karaites are still an ethnically pure. The socio-political, cultural and religious activities of active representatives Karaites people are not conducive to any ethnic consolidation, preservation, and revival of a small ethnoses.

Keywords: Karaites, Karaism, Karaite language, identity, ethnic self-identification, self-isolation, assimilative processes, socio-political activity.

Bibliographic description for citation:

Plusnin Ju. Karaites of Crimea. Travel notes on self-identity. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 2, pt. 1, pp. 209–232. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.1-209-232.

References

1. Kizilov M. *Krymskaya Iudeya: ocherki istorii evreev, khazar, karaimov i krymchakov v Krymu s antichnykh vremen do nashikh dnei* [Crimean Judea. Notes on the history of the jews, khazars, karaites and krymchaks in the Crimea since ancient times]. 2nd ed. Simferopol', Nasledie tysyacheletii Publ., 2016. 340 p.
2. *Fal'sifikatsiya istoricheskikh istochnikov i konstruirovaniye etnokraticheskikh mifov* [Falsification of historical sources and the construction of ethnocentric myths]. Ed. by A.V. Petrov, V.A. Shnirelman. Moscow, IA RAS, 2011. 382 p.
3. Akhiezer G. *Historical consciousness, haskalah, and nationalism among the karaites of Eastern Europe*. Leiden, Boston, Brill, 2018. 369 p.
4. Atzmon G., Hao L., Pe'er I., Velez Ch., Pearlman A., Palamara P.F., Morrow B., Freidman E., Oddoux C., Burns E., Ostrer H. Abraham's children in the genome era: major Jewish diaspora populations comprise distinct genetic clusters with shared Middle Eastern ancestry. *The American Journal of Human Genetics*, 2010, vol. 86, no. 6, pp. 850–859.
5. Blom J.P. Ethnic and cultural differentiation. *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference*. F. Barth (ed.). Boston, Little, Brown and Co, 1969, pp. 74–85. Available at: <http://www.urbanlab.org/articles/Barth,%20Fredrik%201969.%20Ethnic%20groups%20and%20boundaries.pdf> (accessed 23.03.2019).
6. Brook K.A., Kull L., Levin A.J. *The genetic signatures of East European Karaites. Jewish Genetics: Abstracts and Summaries. A collection of abstracts and reviews of books, articles, and genetic studies*. Pt. 5: Karaites. Initial posting at Khazaria.com: August 28, 2013. Latest update: April 12, 2015. Available at: <http://www.khazaria.com/genetics/karaites.html> (accessed 23.03.2019).
7. Brook K.A. The Genetics of Crimean Karaites. *Karadeniz Arastirmalari*, 2014, no. 42, pp. 69–84. Available at: <http://www.karam.org.tr/DergiTamDetay.aspx?ID=859&Detay=Ozet> (accessed: 23.03.2019).
8. Brook K.A. *The Jews of Khazaria*. 3rd ed. Lanham, Maryland. Rowman and Littlefield Publishers, 2018. 357 p.
9. Dominguez V.R. *People as subject, people as object: selfhood and peoplehood in contemporary Israel*. Madison, University of Wisconsin Press, 1989. 238 p.
10. Hirshberg J. The role of music in the renewed self-identity of Karaite Jewish refugee communities from Cairo. *Yearbook for Traditional Music*, 1989, vol. 21, pp. 36–56.
11. Freund R. *Karaites and dejudaization: a historical review of an endogenous and exogenous paradigm*. *Stockholm Studies in Comparative Religion*. Bk. 30. Stockholm, Almqvist & Wiksell International, 1991. 133 p.
12. Jenkins R. *Social identity*. 3rd ed. London, New York, Routledge, 2008. 246 p.
13. *Karaite Judaism: a guide to its history and literary sources. Handbuch der Orientalistik*. Vol. 73. Ed. by M. Polliack. Leiden, Brill, 2003. 982 p.

Karaite Judaism: a guide to its history and literary sources / ed. by M. Polliack. – Leiden: Brill, 2003. – 982 p. – (Handbuch der Orientalistik; vol. 73).

14. Kizilov M. *Karaites through the travelers' eyes. Ethnic history, traditional culture and everyday life of the Crimean Karaites according to descriptions of the travelers*. New York, al-Qirqisani Center for the Promotion of Karaite Studies, 2003. 481 p.

15. Kizilov M. *The arrival of the Karaites (Karaims) to Poland and Lithuania: a survey of sources and critical analysis of existing theories*. Offprint *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 12 (2002–2003), pp. 29–45. Wiesbaden, Harrassowitz, 2003. 18 p.

16. Kizilov M. Between the Jews and the Khazars: the formation of the ethnic identity and historical views of the East European Karaites in the general context of European history from the late eighteenth century until today. *Pinkas: Annual of the Culture and History of East European Jewry*. Vilnius, Rytų Europas žydų kultūras ir ist. tyrimų centras, 2008, no. 2, pp. 34–52.

17. Kizilov M. *The Karaites of Galicia: an ethnoreligious minority among the Ashkenazim, the Turks, and the Slavs, 1772–1945*. *Studia Judaeslavica*. Bk. 1. Leiden, Boston, Brill, 2009. 461 p.

18. Klimova L. News of the Taurida and Odessa Karaite Religious Consistory: self-Identification of the Karaites. *Kwartalnik Historii Żydów*, 2015, no. 1, pp. 123–136.

19. Luczys P., Rataj K. Karaims: the identity question. *Przegląd Zachodni*, 2013, no. 2, pp. 93–115. Available at: <https://iz.poznan.pl/plik,pobierz,858,daa423885f6ccae6913c7503c124265a/45-07-Luczys-Rataj-453.pdf>. (accessed: 23.03.2019).

20. Miller S. Research note: are Jews more polarised in their social attitudes than non-Jews? Empirical evidence from the 1995 JPR study. *Jewish Journal of Sociology*, 2015, vol. 57, no. 1/2. DOI: <http://dx.doi.org/10.5750/jjsoc.v57i1/2.109>.

21. Shapira D.D.Y. A Jewish Pan-Turkist: Seraya Szapszal (Şapşaloğlu) and his Work Qirim Qaray Türkleri (1928). *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungariae*, 2005. Vol. 58, no. 4, pp. 349–380.

22. Shapira D.D.Y. Tendencies and Agendas in Turkic – Karaite and Karaite – related Studies in Eastern Europe on 20 century. *Pinkas: Annual of the Culture and History of East European Jewry*. Vilnius, Rytų Europas žydų kultūras ir ist. tyrimų centras, 2006, vol. 1, pp. 210–241.

23. *Social groups and identities: developing the theory of Henri Tajfel*. Ed. by W.P. Robinson. London, Butterworth Heinemann, 1996. 386 p.

24. Troskovaite D. Identity in transition: the case of Polish Karaites in the first half of the 20th century. *Codrul Cosminului*, 2013, vol. 19, no. 2, pp. 207–228.

The article was received on 08.04.2018.

The article was reviewed on 11.05.2018.